

СМИ

АКАДЕМИЯ

СОВРЕМЕННЫХ

ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ

ТЕХНОЛОГИЙ

СМИ Вопросы морали и этики в средствах
массовой информации
СМИ.3. СМEX (Тыква пророка)
(количество частей – 1, число страниц - 7)

СМИ.3

СМЕХ (ТЫКВА ПРОРОКА)

Смех: как к нему относится? Есть ли он в Библии? Совместим ли с христианством? Каким становится в этой традиции? Над чем смеются монахи? Что недопустимо?

Эти вопросы не столь поверхностны, как кажется на первый взгляд. Если человек всерьез обеспокоен жизнью своей души, он готов на любые жертвы и для него нет мелочей.

В конечном итоге все вопросы сводятся к одному практическому: означает ли обретение веры отказ от смеха? Надо ли мне каяться в том, что я смеюсь?

Если задуматься

Диалектика смеха — диалектика перехода. Смех — способ раскрепощения, освобождения человека от пут каких-либо норм. Именно смех позволял человеку выстоять в годы репрессий. Не случайно в 1930-е годы к проблеме смеха обращается знаменитый русский мыслитель Михаил Бахтин. В те годы он подвергался преследованиям, был в ссылке. И в смехе усматривал возможность нравственного противостояния всепроникающему государству, тоталитарной власти. Посмеяться над собственным страхом значит внутренне его победить. Смех в бахтинской интерпретации — это однозначный позитив, разрушающий действительность несвободы.

Впрочем, выше смеха над властителями — смех уже над собой, ибо это прорыв к свободе от собственных пристрастий и посусторонних надежд. Этому посвящена известная притча о Тамерлане, который, отдав некий город на разграбление, вечером спросил, как реагируют жители. "Плачут и рыдают". — "Грабьте еще день". На следующий вечер: "Рвут на себе волосы, катаются по земле". — "Еще день". На третий вечер: "Смеются". — "Можно уходить, здесь брать уже нечего"...

О высших психических процессах, заложенных в способности смеяться, писала известная юмористка Н.А. Тэффи: "Когда люди видят что-нибудь уклоняющееся от истинного, предначертанного, уклоняющееся неожиданно-некрасиво, жалко, ничтожно, и они постигают это уклонение, — душой их овладевает бурная экстазная радость, торжество духа, знающего истинное и прекрасное. Вот психическое зарождение смеха".

Но смех может быть и негативом человеческого существования. Противоположный полюс феноменологии смеха, — корректирует бахтинские построения Сергей Аверинцев, — "смех цинический, смех хамский, в акте которого смеющийся отделяется от стыда, от жалости, от совести"¹. Смех — не только путь к относительной свободе от навязанной идеологии, но и форма насилия над человеческой свободой. Угроза осмеяния — мощный рычаг воздействия на упорствующего в своих взглядах индивида.

Существенная особенность смеха — его стихийность и непредсказуемость. "Над чем именно и почему именно мы смеемся — это то так, то эдак раскрывается и поворачивается в самом процессе смеха, и здесь всегда возможна игра смысловых переходов и переливов [...]. Это чувствует каждый, кто не обделен либо вкусом к смеху и опытом смеха, либо, с другой стороны, духовной осторожностью, т.е. примерно тем, что в аскетике принято называть даром различения духов. Мы по опыту знаем, сколько раз совесть ловила нас на незаметных отступничествах и мгновенных сдвигах духовной позиции, которые именно смех делал возможными"².

В падшем мире смех возникает на грани осуждения: из несоответствия реальности идеалу, того, что есть, тому, что ожидаем. Или, с другой стороны, — из возможности исказить идеал, сделать что-либо доброе лукавым, то есть буквально *кривым*.

Не случайно более тысячи лет назад именно слово *лукавый* было выбрано при переводе молитвы "Отче наш" с греческого языка на славянские. Его корень — *лук*. *Лук* — это оружие, названное так, потому что имеет форму дуги. *Лукой* по-древнерусски назывались береговые изгибы, отсюда *лукоморье* — морской залив. *Лука* — изогнутая часть седла. Что же общего у перечисленных вещей с сатаной? Ответ прост: искривленная форма. Кривизна — общий признак всего "лукавого".

Именно поэтому в молитве "Отче наш" *лукавым* именуется диавол. По-гречески *лукавый* (πονηρός) это 'дурной, испорченный, худой, подлый, злой'. Один из первых ангелов, светоносец, Денница, Lucifer, он когда-то исказил себя, отпав от Бога, и с тех пор стремится в эту кривизну втянуть человека, а через него весь мир. Падший дух — лжец. Он искажает Божие творение, отображая его в кривом зеркале. Отсюда возможность недоброго смеха, издевательства и хулы. Предел его — смех над Богом. Ганс Христиан Андерсен так описывает в "Снежной королеве" это inferнальное измерение смеха:

"Жил-был тролль, злой-презлой — сущий дьявол! Как-то раз он был в особенно хорошем

¹Аверинцев С. Бахтин, смех, христианская культура //М.М. Бахтин как философ./ Сб. М.: Наука, 1992. С. 11.

²Там же.

настроении, потому что смастерил зеркало, отражаясь в котором все доброе и прекрасное почти исчезало, а все плохое и безобразное, напротив бросалось в глаза и казалось еще отвратительней. Красивейшие виды, отразившись в нем, казались вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами; или же чудилось, будто люди эти стоят вверх ногами, а живота у них вовсе нет! Лица в этом зеркале искажались до того, что их нельзя было узнать, а если у кого на лице была веснушка, она расплывалась во весь нос или щеку. Тролля все это очень потешало. Когда человеку приходила в голову добрая, хорошая мысль, зеркало тотчас строило рожу, а тролль не мог удержаться от хохота, так он радовался своей забавной выдумке. Ученики тролля, — а у него была своя школа, — рассказывали о зеркале как о каком-то чуде.

— Только теперь, — говорили они, — можно видеть людей, да и весь мир, такими, какие они есть на самом деле!

И вот они принялись носиться по свету с этим зеркалом; и скоро не осталось ни страны, ни человека, которых оно не отразило бы в искаженном виде. Напоследок ученикам тролля захотелось добраться и до Неба, чтобы посмеяться над Ангелами и Господом Богом. И чем выше они поднимались, тем больше кривлялось и корчилось зеркало, строя рожи, — трудно было в руках его удерживать. Все выше и выше, все ближе к Богу и Ангелам летели ученики тролля, но вдруг зеркало так перекошилось и задрожало, что вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. [...] Некоторые осколки, крошечные, как песчинки, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось, в глаза людям, да так там и оставались. И вот человек с осколком в глазу начинал видеть все наыворот или замечать в каждой вещи одни лишь ее дурные стороны, потому что в любом осколке сохранились все свойства целого зеркала. Другим людям осколки проникали прямо в сердце, — и это было хуже всего: сердце тогда превращалось в кусок льда. [...] А злой тролль этому радовался и хохотал до рези в животе, словно от щекотки. И много осколков зеркала все еще летало по свету³.

Вероятно, эти осколки оледенили и сердца тех, кто глумился на Голгофе над пригвожденным Христом. И как показывает в "Мастере и Маргарите" Михаил Булгаков, этот смех над Праведником продолжается и в наши дни. В булгаковском романе своеобразной музыкальной приметой "мертвых душ" служит фокстрот "Аллилуйя". Весьма популярный в 1930-е годы, он был создан американцем Винсентом Юмансом как кощунственная пародия на богослужение. Он пронизывает все пространство романа. Он звучит в ресторане, где собирается писательский бомонд, под его музыку бесовская сила является в кабинете профессора — специалиста по раковым болезням, его наявливает оркестр на балу у сатаны. И оказывается, что вся эта театральная, писательская и журналистская толпа новых "партийных" русских, променявших свой талант на возможность быть при власти и пьянствующих ныне в ресторане "у Грибоеда", — едина с толпой у "Лысой горы", с толпой, орущей: "распни Его".

Отсюда понятен аскетический запрет на хохот, в котором утрачивается память о Боге. Иногда стремление избежать даже повода к соблазну приводит к полному личному отказу от смеха. В монашеском сборнике рубежа VI-VII веков "Луг духовный" зафиксировано предание о святом Иоанне Златоусте: "после крещения он никогда не произносил клятвы и не побуждал никого к клятве, никогда не сказал лжи, избегал шуток и не позволял другим шутить (в своем присутствии)"⁴.

Наконец, бывает смех от самодовольства, от сытости, смех, ослепляющий и отгораживающий от Бога. *Горе вам, пресыщенные ныне! Ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете*, — предостерегает от подобного смеха Господь (Лк 6:25). В то же время, смех как таковой не порицается. Более того, именно в смех претвориться праведная скорбь (ибо возможна несправедная — "о житейских предметах"⁵): *Блаженны плачущие ныне; ибо воссмеетесь* (Лк 6:21).

Примечательно, что все это — слова одной проповеди, которую мы встречаем только у евангелиста Луки. В близком по смыслу месте Евангелия от Матфея (Мф 5:1-7:29) тема смеха отсутствует. И более она не окажется в центре внимания на всем протяжении Нового Завета.

В Евангелии от Луки как обетование смеха в будущем, так и осуждение его ныне обусловлены внутренним состоянием человека. Почему он смеется? Из-за чего плачет? Как отмечал апостол Павел, *печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению; а печаль мирская производит смерть* (2 Кор 7:10). Но если не всякая нынешняя скорбь спасительна, быть может, и не всякое веселье предосудительно, пусть даже оно совершается ныне?

Во всяком случае, в той же проповеди Спасителя, приведенной евангелистом Лукой, говорится о том, как реагировать верующим, когда их бесчестят за Сына Человеческого: *возрадуйтесь в тот час и возвеселитесь*. Синодальный перевод облагораживает новозаветное

³Андерсен Г.Х. Снежная королева. - М.: 1959.

⁴Луг духовный. ТСЛ, 1915. Гл. 191. С. 232.

⁵Святитель Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея Евангелиста. Творения, СПб. 1901. Т. 7. кн 1. С. 151.

койне: повеление 'возвеселитесь' (skirt»sate) буквально переводится как 'запрыгайте'⁶. Церковнославянский перевод ближе к оригиналу по смыслу: "возрадуйтесь в той день и разыграйте".

Так всегда ли осторожность в чем-либо предполагает полный отказ? Все же смех — дар. Как и все качества человеческой природы, он дан от Бога. Более того, как представляется, в некоторых случаях можно говорить о том, что к нему прибегают авторы и Ветхого Завета.

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ: ГОРЬКИЙ САРКАЗМ И МЯГКИЙ ЮМОР

Коль скоро антропоморфизмы приложимы к Богу⁷, то не только гнев, но и иные человеческие чувства могут передавать отношение Творца к созданному Им миру. И уже в Ветхом Завете это участие Бога в судьбах мира могло быть выражено по-разному. Горький сарказм обличений пророка Исаий сменяет мягкий юмор книги пророка Ионы.

Трудно удержаться от улыбки, слушая в канун Пасхи чтение о том, как Бог вразумлял пророка Иону (четвертая паремия вечерни Великой Субботы).

Как известно, Иона предвещал жителям языческого города Ниневии гибель. Ниневитяне покаяться, и Господь помиловал город. *Иона сильно огорчился этим и был раздражен. И молился он Господу и сказал: о, Господи! не это ли говорил я, когда еще был в стране моей? Потому я и побежал в Фарсис, ибо знал, что Ты Бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеешь о бедствии. И ныне, Господи, возьми душу мою от меня, ибо лучше мне умереть, нежели жить.*

И сказал Господь: неужели это огорчило тебя так сильно?

И вышел Иона из города и сел с восточной стороны у города, и сделал себе там кущу, и сел под нею в тени, чтобы увидеть, что будет с городом. (Иона 4:1-5). Иными словами, надеясь все же, что Ниневия будет стерта с лица земли, Иона решил, устроившись поудобнее и подальше от городских стен, понаблюдать за катастрофой. Но Господь Бог приготовил для пророка сюрприз.

Далее приведем церковнославянский перевод, который ближе древнегреческому тексту Септуагинты, а потому смешнее (в частности, безликое "растение" Синодального перевода в древнегреческом тексте, равно как и в славянском переводе, именуется круглой тыквой kolòkunqa):

И повеле Господь Бог тыкве, и возрасте над главою Иониною, да будет сень над главою его, еже осенити его от злых [огорчений — и. Дм.] его.

И возрадовался Иона о тыкве радостью великою.

И повеле Господь Бог червию раннему во утрие, и подъяде тыкву, и изсхе [поутру Бог повелел раннему червию, тот подточил тыкву и она засохла — и. Дм.]. И бысть вкупе вегда возсияти солнцу, и повеле Бог ветру знойну жегущу, и порази солнце на главу Ионину, и малодушествоваше и отрицашеся души своея и рече: уне [лучше — и. Дм.] мне умрети, нежели жити. И рече Господь Бог ко Ионе: зело ли опечалился еси ты о тыкве?

И рече [Иона — и. Дм.]: зело опечалихся аз даже до смерти.

И рече Господь: ты оскорбился еси о тыкве, о нейже не трудился еси, ни воскормил еси ея, яже родися об ночь и об ночь погибе [которая в одну ночь выросла и в одну же ночь пропала — д.м.]. И далее в Синодальном переводе: Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота? (Ион 4:6-11).

Оказывается, и несмышленные дети, и скот значимы в очах Божиих. Кстати говоря, тяготы поста, наложенного Ионой на Ниневию, несли и ослы: *и облекошася во вретиса человецы и скоти и возопиша прилежно к Богу...* (Ион 3:8)

Несомненно, автор книги пророка Ионы наделен чувством юмора. Милосердным предстает в этой книге и Господь Бог. Смягчая праведный гнев Своего пророка, Бог открывает о Себе, что Он не есть Бог Закона, но Бог любви, простирающийся и на людей беззакония, каковыми были в глазах израильтян жители языческой Ниневии.

Таким образом, книга пророка Ионы являет Бога иным, нежели это представляли себе иудеи. Оказывается, Бог Завета — это не только их Бог, но Бог всех народов; более того, это Бог, обращенный к каждому человеку. Это Бог, не гнушающийся повелевать тыкве и червию; это Бог, прикосновением чуда исцеляющий Иону от чрезмерной ревности и жажды возмездия; это Бог, внимающий реву голодных ослов и дыханию ни в чем неповинных младенцев.

⁶Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык. СПб, 2001. С. 348.

⁷Ведь при всех богословских "снятиях" всего "слишком человеческого" при разговоре о Боге мы просто не сможем иначе описать Того, Кто за пределами познания. Понятно, что человечности Бога — метафора и как таковая не вполне адекватна Предмету описания, но другой возможности для выражения истины о Боге, Который есть любовь, у нас в этом мире нет.

Неслучайно именно рождение младенца Исаака побудило 90-летнюю Сарру сказать: *Смех сделал мне Бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется [...] кто сказал бы Аврааму: Сара будет кормить детей грудью? ибо в старости его родила я сына* (Быт 21:6-7).

Так что помыслить улыбку Творца мироздания, наверное, все-таки можно. Кощунства в этом не будет. Во всяком случае, человек, обладающий чувством юмора, склонен именно в этом свете воспринимать всю реальность мира. Эта библейская радость о мире отразилась и в книгах, вроде бы весьма далеких от Священного Писания, — в фантастике и детективах.

В рассказе Рэя Бредбери "Огненные шары" спор об этом ведут священники, которых послали с миссией к марсианам:

— Отец Перегрин, вы когда-нибудь бываете серьезны?

— И не буду, пока Господь не станет серьезен. И не надо так возмущаться, прошу вас. Господь никак уж не серьезен. Мы ведь знаем о Нем точно лишь одно — что Он есть любовь. А любовь неотделима от чувства юмора, не так ли? Нельзя любить человека, которого вы не терпите, верно? А чтобы терпеть кого-то рядом, надо хоть изредка над ним посмеиваться. Вы согласны? Все мы — смешные зверюшки, вывозившиеся в миске сгущенки, и, потешаясь над нами, тем больше Господь нас любит.

— Никогда не думал, что Господу присуще чувство юмора, — заметил отец Стоун.

— Сотворившему утконоса, верблюда, страуса и человека? Да бросьте! — Отец Перегрин расхохотался.⁸

Подобную мысль высказывал и один из героев Кия Гилберта Честертона: "Наверное, Творец любит акулой, как я люблю лютиком"⁹.

После Благовещения

Но если это справедливо для эпохи Ветхого Завета, когда Бог далекий и гневный вдруг опознавался как близкий и милующий, тем более все переменялось после того, как Бог пришел к людям во плоти.

После Боговоплощения мы можем говорить о том, что Господь воспринял весь спектр человеческих чувств. Сын Божий стал и Сыном Марии, а значит, все проявления человеческой жизни, кроме греха, Он усвоил Себе. Он хотел есть и вкушал, желал пить и пил, спал, ходил по земле, ехал на осленке, печалился, плакал, молился, говорил, просил, даже умолял апостолов, был носим на руках Девы, был пригвожден, страдал, умер, воскрес. Он был одним из нас, воспринял все последствия падения человека. Единственное, чего не было во Христе ни в малейшей степени, — это греха, ибо грех отделяет от Бога. Во Христе нет греха, поэтому вопрос стоит так: относятся ли радость и улыбка к греховным проявлениям человеческой природы? И если да, то Господь ни в младенчестве, ни в детстве, ни в отрочестве, ни в юности, ни в зрелости Своей ни разу не улыбнулся. Если же нет, какой была эта улыбка?

Ответить на этот вопрос нам не дано. Психология Богочеловека недоступна нашему сознанию. И не только потому, что после грехопадения человек утратил духовное ведение, но и в силу того, что мы тварны, а стало быть, не вездесущи, но ограничены по природе. Творение не способно заглянуть в душу вочеловечившегося Творца.

Евангелие также умалчивает об этой грани жизни Христа в мире людей. Однако не исключено, что именно улыбка осеняла лицо Спасителя в то время, когда Он, склонившись, чертил перстом на песке, а пристыженные иудеи уходили прочь, отпустив на волю женщину, взятую в прелюбодеянии, которую собирались было забить камнями (ср. Ин 8:1-11).

Вот это место Евангелия от Иоанна: *Когда же продолжали спрашивать Его, Он, склонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось в нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, склонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? (Ин 8:7-10).* В этих словах мне слышится легкая ирония над теми, кто, будучи сам во грехе, только что с пеной у рта требовал расправы над грешницей. Она отвечала: *никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши* (Ин 8:11).

Иронией исполнены слова Спасителя, обращенные к самарянину, единственному из десяти прокаженных, кто, исцелившись, вернулся и возблагодарил, пав к ногам Его: *Не десять ли очистились? Где же девять?* (Лк 17:17)...

⁸Бредбери Р. Огненные шары / Здесь могут водиться тигры: Рассказы. СПб, 2000. С. 112-113

⁹Честертон Г.К. Тень акулы / Поэт и безумцы. Собр. соч. в 5 тт. М. 1994, т. 3, с. 119.

В МИРЕ ЛЮДЕЙ

Не стоит забывать и о том, что смех является терапевтическим средством. Как верно замечает Ангел Хранитель в фантастическом романе Юлии Вознесенской “Мои посмертные приключения”: “смех дан людям для защиты от страхов, это всего лишь лекарство”¹⁰. Он нужен человеку, чтобы выстоять, не отчаиваться в этом мире. Чем опасно слишком серьезное отношение к вещам? Тем, что на ваших глазах могут оказаться серые очки. И мир предстает безрадостным, бесперспективным, а потому безнадежным. В этих случаях смех жизненно необходим. Об этом рассуждает Панталоне — один из персонажей сказки “Любовь к трем апельсинам” в версии Леонида Филатова:

Ну можно ли представить мир без шуток?!

Да он без шуток был бы просто жуток!..

Когда на сердце холод, страх и тьма,

Лишь юмор не дает сойти с ума!..

Судьба играет с нами в “чёт” и “нечет”,

Уныние казнит, а юмор лечит.

Хвала шутам, что вовремя смогли

Нас удержать от яда и петли!..

Над злом надо уметь посмеяться. “Ад всесмехливый”, о котором повествует канон на Пятидесятницу, — это, в переводе с греческого, “ад всеосмеянный”. Смешной в своей напыщенности, диавол бессилен в своей злобе и бездарен в своей пустоте.

Христос, сойдя в ад, посмеялся над сатаной, сокрушил его планы и спас людей.

Христос Воскресе! и мы празднуем Пасху “веселыми ногами”. Эти строки Пасхального канона задают новое измерение радости и веселья. Возможна духовная радость и духовное веселье. Радость выражает себя в действии, в улыбке. От радости можно пуститься в пляс. Не случайно более эмоциональные народы Эфиопии и Египта ритмично приплясывают во время литургии. Это не повод для подражания, но один из аргументов в пользу смеха.

Именно осмеянию дьявольских козней посвящены рассказы первых монахов, собранные в “Древнем Патерике”, “Луге духовном” и “Лавсаике”. Эти сборники ценны тем, что составлены в IV-VI веках, в эпоху зарождения монашества, и вполне передают его дух. Для примера обратимся к “Лугу духовному”, несколько глав которого посвящены подвигам аввы Стефана, пресвитера илиотского:

“Рассказывали еще о нем, что он однажды сидел в своей келлии и читал, — и вот снова видимым образом явился ему демон, и сказал:

— Уйди отсюда, старик, здесь тебе не будет пользы.

— Если, как я хорошо знаю, ты желаешь моего удаления отсюда, то вот сделай так, чтобы стул, на котором сижу, начал ходить.

А сидел он на плетеном стуле.

Выслушав слова старца, диавол сделал так, что заходил не только стул, но и вся келлия.

— Ловок же ты! — сказал старец, увидавши хитрость диавола, — а я все-таки отсюда не уйду.

Старец сотворил молитву, и нечистый дух исчез”¹¹.

А основатель монашества, преподобный Антоний Великий, сам строгий аскет и подвижник, прибегал к смеху в педагогических целях. Вот какое предание об этом доносит до нас “Древний Патерик”:

“Некто, лоя в пустыне диких зверей, увидал, что авва Антоний шутливо обращается с братьями и соблазнился. Старец, желая уверить его, что иногда бывает нужно давать послабление братьям, говорит ему: “Положи стрелу на лук свой, и натяни его”. Он сделал так. Старец опять говорит ему: “Еще натяни”. Тот еще натянул. Старец опять говорит: “Еще тяни”. Ловец отвечает ему: “Если я сверх меры буду натягивать, то переломится лук”. Тогда авва Антоний говорит ему: “Так и в деле Божиим, — если мы сверх меры будем налегать на братьев, то от приражения они скоро сокрушаться. Посему необходимо иногда давать хотя некоторое послабление братии”. Выслушав это, ловец был сильно тронут, и получив великую пользу, ушел от старца. И братья, утвердившись, возвратились в свое место”¹².

Внутренняя направленность придает высший смысл каждому человеческому действию. Так что христианская культура, скорее, приветствует смех, но добрый. Единственное, что недопустимо, — это солидарность с силами зла. Осмеяние чужого горя, Божией красоты, добра превращает смех — милость Божию — в путь к пустоте.

¹⁰Вознесенская Ю.Н. Мои посмертные приключения. М., 2002., С. 94.

¹¹Луг духовный. Гл. 63. Сс. 78–79.

¹²Древний Патерик. М., 1899. Глава 10-я, “О рассудительности”, 3.

Бывает, что смех опустошает. Бывает, что окрыляет. Есть время для плача, есть и для веселья. Есть *время сетовать*, и *время плясать* (Ек 3:4).

Нужно лишь научиться различать.

В заключение, отметим, что смех как выражение душевной радости относится к сфере душевной жизни. Радость духовная — это радость благодатная, она всецело обращена к горнему миру; она не предполагает ни сопоставления реальности и идеала, ни суда, и стало быть, непричастна «юмористическому взгляду на происходящее». Это иная, окрыляющая радость, и она соотносится не со смехом, но, скорее, с духовным веселием. Юмор же — это всего лишь способ освободить душу от тягот падшего мира и возможен только в нем; если у Бога есть чувство юмора, то это сфера Его икономии, это Его милость к падшему человеку, шаг ему навстречу.

Иеромонах Димитрий (Першин), председатель Миссионерской комиссии при Епархиальном совете г. Москвы, старший преподаватель кафедры биомедицинской этики Российского Государственного Медицинского Университета